

С. В. Дмитриев

**ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКОВ
В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
XIX — НАЧАЛА XX В.**

В настоящее время существует ряд обзоров, посвященных истории изучения Таджикистана, первым из которых можно считать статью известного российского ориенталиста, археолога и нумизмата середины XIX в. П. С. Савельева «Бухара в 1835 г.» с приложением очерка европейских экспедиций в этот край¹. Интересен обзор экспедиций в Туркестан, в частности на Памир, сделанный в книге И. В. Мушкетова «Туркестан»². История сношения России с ханствами Средней Азии описывалась в работах А. Н. Попова, В. В. Завьялова, Д. И. Романовского, Н. П. Остроумова³, истории изучения Памира касался в своих записках доктор К. К. Казанский — участник экспедиции генерал-губернатора Туркестанского края Вревского⁴.

Многие совершенные в XIX в. экспедиции, члены которых оставили заметки о населении Бухарского ханства, проводили в первую очередь естественно-научные наблюдения, в том числе собирали ботанические коллекции, поэтому некоторые из них попали в обзор экспедиционного исследования региона, который был составлен известным ботаником В. И. Липским⁵. Интересен также обзор русских путешествий в Среднюю Азию XVIII — сер. XIX в. О. В. Масловой, в котором даны также краткие описания экспедиций в Бухару, в частности в ее восточную часть⁶. Собственно истории изучения этнографии, а также истории и археологии таджиков и Таджикистана посвящены работы Д. Е. Хайтуна и Ю. И. Шибаева⁷, Н. А. Кислякова⁸, М. Р. Шукурова⁹, Н. М. Акрамова¹⁰, О. Б. Бокиева¹¹, Д. Ю. Арапова¹², Х. Пирумшоева¹³, Н. Давлятбекова¹⁴, Т. С. Наврухова¹⁵, Р. М. Масова¹⁶, В. В. Дубовицкого¹⁷. В последние десятилетия изучению истории и географии Таджикистана посвящен ряд работ¹⁸, среди которых диссертации М. Х. Пирумшоева¹⁹, З. Ю. Рахматовой²⁰, А. М. Самиева²¹. Эту же тему затрагивали специальные статьи Р. Р. Алиевой²² и Ш. Рахмонова²³.

Историю открытия и изучения культуры таджиков можно традиционно разделить на три этапа. Первый — это собственно открытие самих таджиков, выделение их из числа народов Средней Азии. Второй — начальный период описания их культуры. И, наконец, третий — систематическое исследование традиционной культуры таджикского народа. Основная задача статьи в том, чтобы составить краткий обзор экспедиционной деятельности российских ученых по изучению этнографии таджиков на протяжении XIX — начала XX в., который совпадает по нашей периодизации с первым и вторым этапами.

Первый этап падает на первую четверть XIX в. До этого времени в Среднюю Азию и в частности в Бухарское ханство уже было совершено довольно большое количество экспедиций. Среди них были путешествия купцов, дипломатических чиновников, которые в своих записках и отчетах оставили краткие описания страны, некоторые черты ее политического устройства, иногда в них говорилось о местном населении и их занятиях. Однако во всех этих записках население ханства имело монолитный облик, в нем не выделялись отдельные народы, на которые это население делилось.

В октябре 1820 г. в Бухару по повелению императора Александра I была отправлена дипломатическая миссия во главе с чиновником МИД действительным статским советником А. Ф. Негри. Главной целью миссии было заключение торгового договора. В состав миссии входили полковник Генерального штаба барон Е. К. Мейендорф, топографы поручик Генерального штаба В. Д. Вольховский и поручик по квартирмейстерской части Тимофеев, натуралисты Х. Г. Пандер и Э. А. Эверсман, инженеры Отдельного Оренбургского корпуса поручики Тафаев и Артюхов, переводчик и секретарь коллежский ассессор П. Л. Яковлев, титулярный советник, а также священник Будрин. Конвоем миссии, в составе которого было 150 казаков и 150 пехотинцев, командовал капитан гвардии Циолковский.

Поскольку правящие круги Российской империи были заинтересованы в развитии русско-бухарских экономических связей и укреплении политических позиций в этом государстве, миссия Негри по инструкции должна была собрать материалы о политической обстановке в регионе, природных ресурсах ханства, возможности судоходства по Сырдарье и Амударье, возможностях торговли.

В декабре 1820 г. миссия добралась до Бухары, где была принята эмиром Хайдар-ханом. В результате трехмесячных переговоров, в ходе которых члены миссии были чрезвычайно ограничены в своих перемещениях по городу, были заключены некоторые дипломатические договоренности, однако миссия не выполнила до конца свою задачу. В середине мая 1820 г. миссия вернулась в Петербург²⁴.

Несмотря на дипломатическую неудачу, участникам миссии удалось собрать обильные сведения по Бухарскому ханству. Некоторые из них в ходе поездки вели подробные дневники, материалы из которых были в дальнейшем опубликованы. Уже в первой половине 1820-х годов в ряде российских журналов появились сведения, предоставленные участниками посольства²⁵. В 1826 г. Е. К. Мейендорф издал в Париже на французском языке свои записки об этом посольстве²⁶. Выдержки из них были опубликованы в ряде российских изданий²⁷ и вызвали большой общественный и научный интерес²⁸. Только в 1975 г. в переводе Е. К. Бетгера эта книга увидела свет в полном объеме на русском языке²⁹. В третьей части книги Мейендорфа приводится подробный обзор Бухарского ханства, в том числе впервые дается характеристика жителей Бухары — таджиков, узбеков, евреев, афганцев, индусов, персов-ираны, русских — и их занятий: сельского хозяйства, ремесел, торговли и т. д., а также нравов и обычаев местного населения.

Несколько ранее книги Мейендорфа в Берлине на немецком языке издал свои записи Э. А. Эверсман³⁰. Отрывки из этой книги были также опубликованы в российских журналах³¹. Во второй части книги даны описание города Бухары, характеристика его жителей (таджиков, узбеков, евреев). Персидский язык отмечен как основной язык общения. Описаны основные занятия жителей и другие этнографические сведения.

Записки, в которых были и записи этнографического характера, вел и священник миссии Будрин. Однако они были опубликованы много позднее³².

Таким образом, участниками миссии Негри таджики наряду с другими народностями впервые выделяются среди некоего абстрактного безликого «населения Бухарского ханства», а их облик приобретает определенные этнические характеристики. То, что это

произошло именно в этот период, по всей вероятности, связано с общим развитием общественно-политической жизни Европы и России в конце XVIII — начале XIX в. Именно в это время в странах Европы возникает интерес ко всему национальному. Немецкими философами (Фихте, Шеллингом, Гегелем и др.) формируется концепция «национального романтизма», из словаря немецких философов в общественный оборот выходит термин «народность» (Volkstum), начинается активное изучение этнической культуры разных народов. Поэтому вполне понятен интерес европейских путешественников, в нашем случае членов экспедиции Негри, именно к этническому составу населения Бухарского ханства, результатом которого стало открытие для науки многонационального по составу населения этого государства.

В конце 1830-х годов бухарский хан обратился к русскому правительству с просьбой прислать горного инженера для разведки минеральных богатств и преимущественно золота. Сформированная по этой просьбе так называемая Бухарская экспедиция 1841 г. под начальством горного инженера К. Ф. Бутенева состояла также из горного инженера Богословского, известного впоследствии ориенталиста Н. В. Ханыкова, естествоиспытателя А. Лемана и топографов Яковлева, Чалпанова и Петрова, препараторов, штайгеров, рабочих со Златоустовских заводов. Она вышла из Оренбурга 3 мая в сопровождении Бларамберга и капитана Никифорова. Первый из них провожал экспедицию до Сырдарьи и попутно производил новые топографические съемки, а второй отправился во главе посольства в Хиву.

От Сырдарьи экспедиция, сделав экскурсию на Малибаш, следовала дальше той же караванной дорогой, что и посольство Негри, 5 августа она достигла Бухары. Бутенев остался в Бухаре, а Ханыков, Леман и Богословский отправились в Самарканд, откуда двое последних совершили поездку вверх по долине Зеравшана до крепости Сарвада и озера Искандеркуль, где и предполагалось найти золото. Это были первые европейцы, проникнувшие в эти места. Они прошли по Зеравшану до р. Фон (Фан), поднялись на северный склон гор (т. е. Гиссарского хребта) и возвратились назад в Самарканд, где и прожили почти месяц начиная с 18 сентября, 21 октября вернулись

обратно в Бухару. Здесь они провели зиму, собирая сведения о стране и населяющем ее народе, которые стали основой для их дальнейших публикаций. Так, Богословский описал геологические особенности долины Зеравшана и ее минеральные богатства. Он указал на золото, железо и большие залежи каменного угля в долине р. Фан³³. Бутенев издал несколько интересных статей о минеральных богатствах, заводском и монетном деле в Бухаре и метеорологические наблюдения, которые способствовали ознакомлению с климатом этой страны³⁴.

Много разных сведений о стране, ее жителях, занятиях собрал Леман. К сожалению, на обратном пути он заболел и умер в Симбирске 30 июля 1842 г., не успев обработать свои богатые материалы. Дневники Лемана были переданы в Академию наук и обработаны и подготовлены к публикации Г. П. Гельмерсеном и Бэрром³⁵. Это посмертное издание состоит из написанного академиком Г. П. Гельмерсеном предисловия, в котором помещена биографии Лемана и краткая истории Бухары вообще, и 16-ти глав дневника, содержащих описание путешествия и различные интересные сведения о Бухаре, ее истории, жителях, Самарканде и в особенности о долине Зеравшана, ее фауне, флоре и геологическом характере, а также метеорологические наблюдения и т. д.

Наконец, четвертый член этой экспедиции — Ханыков³⁶ — составил чрезвычайно обстоятельное «Описание Бухарского ханства», где представил все сведения того времени о Бухаре, ее топографии, естественных продуктах, климатических особенностях, землетрясениях, жителях, их занятиях и т. д.³⁷

В заключение можно отметить, что члены Бухарской экспедиции доставили в Россию ценные сведения о таджикском населении Бухарского ханства, его занятиях, образе жизни, в основном в Бухаре, а также о горном населении верховьев Зеравшана³⁸.

В 1860—1870-е годы Россия начала активную экспансию в Среднюю Азию. В результате территория империи продвинулась до границ с Бухарским и Хивинским ханствами, пало Кокандское ханство. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Для лучшего управления новыми территориями российской власти было необходимо изучение их экономического положения,

этнического состава и пр. В этом направлении властями были предприняты активные шаги. Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман привлекал во вновь присоединенный край научные кадры, многие туркестанские деятели этого периода внесли свой вклад и в изучение культуры народов Средней Азии, в том числе таджиков.

В семидесятые годы началась научная деятельность ряда чиновников военной администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Среди них А. Хорошкин, Г. А. Арандаренко³⁹, В. Ф. Ошанин, Н. А. Маев, которые в своих работах в той или другой степени касались и этнографии местного таджикского населения⁴⁰. Однако сведения, изложенные в трудах этих исследователей, носили отрывочный характер и не были плодом систематической работы. Работа по собиранию и публикации сведений по этнографии таджиков была продолжена во второй половине 1870-х годов вместе с распространением влияния России на Бухарское ханство и присоединением горных таджикских областей. С целью освоения новых территорий в Среднюю Азию был организован ряд экспедиций, сначала военного, затем географического характера и, наконец, специально научного, в первую очередь естественно-исторического характера.

В 1869 г. начальник Зеравшанского округа генерал-майор К. А. Абрамов организовал научную экспедицию под началом капитана А. Д. Гребенкина, знавшего таджикский язык. Целью экспедиции было изучение края, его истории, языка, естественно-исторических условий. В ходе работ был собран богатый материал, который лег в основу статей Гребенкина, посвященных таджикам Пенджикентского района⁴¹.

В 1870 г. состоялась Искандеркульская экспедиция под начальством генерала К. А. Абрамова, имевшая первоначально военно-рекогносцировочный характер. Однако в ее состав был введен ряд ученых: барон П. А. Аминов руководил топографическими съемками⁴², производившимися топографами А. И. Скасси и Старцевым, горный инженер Д. К. Мышенков, производивший геологические исследования⁴³, известный ученый и путешественник А. П. Федченко, командированный Московским обществом любителей естествознания, для которого эта экспедиция стала первой в серии путешествий

в этот регион⁴⁴, и его жена О. А. Федченко производили естественно-исторические исследования, а ориенталист А. Л. Кун — этнографические⁴⁵. Активное участие в работе экспедиции принимал также капитан А. Д. Гребенкин, им был опубликован ряд статей⁴⁶. Экспедиция прошла всю долину Зеравшана до самого ледника и на обратном пути заходила на оз. Искандеркуль⁴⁷. Членами экспедиции было произведено картографирование неизвестных донныне европейцам областей, они ознакомились с местными природными условиями. Барон П. А. Аминов по результатам работы экспедиции опубликовал топографический очерк долины Зеравшана⁴⁸. Генерал К. А. Абрамов в своей «Записке...», опубликованной в Известиях РГО, приводит краткие сведения из зарубежной литературы об этом регионе (путешествие муллы Абдул Меджида), сообщает сведения о Гарме, его правителе того времени Музаффар-хане (который «производит свой род от потомков Искандер-Куль-Карнейра», т. е. Александра Македонского), кишлаках и группах кишлаков вокруг него, о местном населении, которое составляют исключительно «гальча», их быте, брачных обычаях, земледельческой культуре, ремеслах (ткачестве и железном производстве), горных промыслах (золотодобыче и ломке каменной соли), охоте, быте и т. д.⁴⁹

В ходе Искандеркульской экспедиции исследователям удалось посетить области Фальгар, Фан, а также впервые удалось познакомиться с отдаленным и крайне любопытным уголком Средней Азии, долиной р. Ягноб, где, по рассказам местных жителей, обитал народ, говорящий на каком-то особом языке. Экспедиция достигла только средней части течения этой реки. Желая как можно больше узнать об этом загадочном народе, А. Л. Кун воспользовался дневкой отряда в селении Анзоб и с разрешения начальника отряда генерала Абрамова поехал в сопровождении местного мирзы, двух казаков и вожаков из туземцев ознакомиться с ближайшими ягнобскими селениями.

В первом селении, которое им удалось посетить, людей оказалось мало, так как в это время, 21 июня, все в основном находилось на летовках. Куну удалось осмотреть местные жилища, оросительную систему. В ходе этого визита Куну и Абрамову удалось убедить нескольких ягнобцев сопровождать их экспедицию в Самарканд⁵⁰.

В своей статье, опубликованной в 1881 г., Кун дает характеристику этой страны, перечисляет кишлаки, которые там располагаются.

По его сведениям, ягнобцы считали себя выходцами из Кашмира, переселившись сюда около пятисот лет тому назад вследствие политических переворотов в Индии. Согласно приведенной Куном легенде, два брата — Халифе-Вафа и Халифе-Сафа, ученики Бу-Алия-Синяя Кашмирского, были вынуждены искать убежища в горах. Странствуя под видом знахарей от селения к селению, они дошли до р. Ягноб, где им понравилось и они нашли свободную землю, там и построили себе дома. Занятие братьев гаданием закрепило за всем их потомством прозвище «дуахон». Потомки братьев сохранили свой язык и антропологический тип. Они занимались земледелием и скотоводством (главным образом овцеводством, а также держали рогатый скот, ишаков и лошадей). Две трети года они проводили в кишлаках, а в остальное время кочевали на летовках, в ущельях, верстах в 10—30 от кишлаков, где строили также стационарные глинобитные дома⁵¹.

Далее Кун приводит сведения о землепользовании, налогах, налагаемых владельцами (каратегинскими или гиссарскими) на местное население, воинской повинности, дает описание местной мужской и женской одежды и способах ее изготовления начиная от нитей, об одежде и других предметах, которые они привозят из торговых центров, дает описание поселений и домов, процесса их строительства, утвари, местной и привезенной из других мест, тех продуктов, которые поставляют местные жители на рынок. В заключение Кун дает краткое описание языка ягнобцев, отмечая его отличие от таджикского и других диалектов, рекомендует дальнейшие исследования ягнобского языка⁵².

В тех же номерах «Туркестанских ведомостей» публикует свои «Очерки Когистана» Ш. Акимбетов, спутник Мушкетова в его экспедиции 1880 г. на Зеравшанский ледник. Мушкетов характеризует его как знатока местных наречий⁵³. Акимбетов пишет о стране, лежащей между Туркестанским и Гиссарским горными хребтами, от Зеравшанского ледника до берегов рек Кштута и Магиандарья, в политическом отношении разделенной на шесть мелких бекств: Фальгарское, Матчинское, Фанское, Ягнобское, Кштутское и Магиано-Фарабское. В очерке дается общий обзор этой страны, описание местного земледелия, садоводства, скотоводства. В частности, Аким-

бетов останавливается на принципах землевладения, орошениях и промыслах, в том числе отхожих, и профессиональном нищенстве преимущественно фальгарцев. Специально пишет он о языке ягнобцев, которые, считая себя таджиками, говорят, однако, на языке, который сильно отличается от таджикского. К статье в специальном приложении к номеру газеты приводится небольшой словарь ягнобского языка.

Далее Акимбетовым дается следующая краткая характеристика ягнобцев: «Ягнауцы (т. е. ягнобцы. — С. Д.) — робкий и смиреннейший народ в мире и притом все они — очень набожные мусульмане; даже женщины их, побуждаемые духом благочестия, проводят длинные зимние вечера за переписыванием Корана и других мусульманских религиозных книг, смысла которых, конечно, не понимают. Страна, обитаемая ими ныне, худшая их всего Когистана как по климату, так и по плодородию. А потому невольно приходится заключить, что поселились они тут, разумеется, недобровольно, а загнаны в этот негостеприимный уголок силою, так как в такой холодной и бедной стране, как долина р. Ягнау, едва ли кто согласится поселиться добровольно, когда кругом есть гораздо лучшие места, где бы и могли поселиться нынешние ягнауцы, если бы выбор места жительства зависел от их доброй воли. Теперь они сжились там и в случае переселения в лучшую страну будут тосковать по своей бедной родине»⁵⁴.

Жена участника Искандеркульской экспедиции и ряда других экспедиций по Средней Азии А. П. Федченко О. А. Федченко, сопровождавшая его в этих путешествиях и собиравшая ботанические коллекции для Императорского Ботанического сада, была известна как художник-иллюстратор, ее рисунки мы можем видеть в книгах ее мужа⁵⁵. В ходе экспедиций она делала многочисленные зарисовки, отражавшие как красоту местной природы, так и быт памирского населения. Рисунки, сделанные с этих эскизов известными русскими художниками А. К. Саврасовым и П. А. Нисевиным, демонстрировались в Туркестанском отделе Политехнической выставки 1872 г. в Москве⁵⁶. В дальнейшем рисунки, сделанные Саврасовым, а также французскими художниками Лораном, Сисери, Сабатье и Лемерсье, в которых нашли отражение архитектурные памятники Самарканда, Кара-тюбе, Ургута, а также некоторые пейзажи и памятники Памира:

«Варзаминор, в верховьях Заравшана», «Исканде-куль», «Каджрага, в долине Ягнау», «Анзоб на реке Ягноб», — вошли в альбом «Виды русского Туркестана»⁵⁷.

Как указывает И. В. Мушкетов, рисунки О. А. Федченко использовала в своей книге Мария Бурдон-Уйфальви⁵⁸, которая вместе со своим мужем, французским ориенталистом К. Е. Уйфальви, в 1876—1878 гг. участвовала в научной экспедиции в Сибирь, Туркестан, Степной край⁵⁹. При этом И. В. Мушкетов отмечает, что «к сожалению, г-жа Бурдон-Уйфальви, заимствуя рисунки, не упоминает об авторе их»⁶⁰.

После смерти мужа О. А. Федченко⁶¹ уже вместе с сыном, Б. А. Федченко, совершила ряд ботанических экспедиций в Среднюю Азию, в том числе на Памир. В записках Б. А. Федченко мы находим интересные наблюдения над жизнью местного населения. Он же уточнил некоторые маршруты, по которым двигались А. Регель, Д. Л. Иванов и другие исследователи, работавшие прежде всего в области естественных наук, но в отчетах которых можно обнаружить и заметки о местном населении.

В 1901 г. в ходе экспедиции Б. А. и О. А. Федченко на Памир велись не только естественно-исторические исследования, но и фото-съемка, в том числе местного населения и их занятий. В вышедшей в 1902 г. небольшой статье «Памир и Шугнан» Б. А. Федченко дает краткое описание Шугнана, его местного населения, жилищ и селений, в которых оно проживало в то время, его занятий (земледелия, скотоводства, торговли и т. д.)⁶². В вышедшем в 1909 г. описании этого путешествия мы находим некоторые сведения о местном населении и его занятиях⁶³.

Почти одновременно с Искандекульской экспедицией состоялась поездка русской миссии в Бухару, руководитель которой А. Ф. Костенко описал ее ход и результаты в своей книге, в которой нашлось место и для кратких заметок о народах, населяющих Бухарское ханство⁶⁴.

В следующем 1871 г. российским правительством для изучения сельскохозяйственного положения Туркестанского края был командирован профессор А. Петцольд. Член этой экспедиции А. А. Кушачевич на основании личных наблюдений, а также по расспросным

сведениям составил описание Ходжентского уезда, в котором мы находим сведения и о населении уезда⁶⁵.

В 1875 г. генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман снарядил так называемую Гиссарскую экспедицию, в состав которой вошли статистик, географ и этнограф, редактор газеты «Туркестанские ведомости» Н. А. Маев, астроном Шварц и подпоручик Вишнеvский. Экспедиция имела целью познакомиться с характером местности, лежащей между Гиссарским хребтом и Амударьей. Она прошла от Самарканда до Карши и через Железные ворота в г. Дербент, затем побывала почти во всех городах Гиссара и возвратилась снова через Дербент и Шахриябз в Самарканд. Главный результат экспедиции заключается в том, что ее участники впервые составили точную карту Гиссара, опирающуюся на 14 астрономических пунктов, определенных Шварцем. Все статьи Маева, опубликованные по результатам этой экспедиции, носят характер кратких отчетов. Кроме того, он описал несколько новых маршрутов и привел общие сведения об орографии Гиссара, его населении, населенных пунктах и т. д.⁶⁶ В дальнейшем вышло еще несколько статей Маева о Гиссаре и Бухаре, которые он написал после неоднократных поездок туда в 1877—1879 гг., в том числе в качестве члена Самарской ученой экспедиции⁶⁷ (о ней см. далее).

В 1870—1880-е годы по Центральной Азии совершил ряд поездок уездный врач в Кульдже А. Регель⁶⁸. Основной его целью был сбор ботанических коллекций. Составленные гербарии он отправлял в Санкт-Петербург, в Императорский Ботанический сад. Его отчеты публиковались в изданиях РГО и Императорского Ботанического сада. В 1881 г. он опубликовал небольшую, но содержательную статью о садоводстве в Туркестанском крае, преимущественно у сартовского населения, в которой привел некоторые этнографические наблюдения об этой отрасли хозяйства в регионе⁶⁹. В 1882 г. он был командирован на пять месяцев РГО и Императорским Ботаническим садом в Шугнан, Бадахшан, Каратегин и Дарваз⁷⁰ в сопровождении военного топографа П. Е. Косякова⁷¹.

В 1879 г. великий князь Николай Константинович, капитан Генерального штаба и флигель-адъютант, во главе многочисленной экспедиции совершил большое путешествие по Туркестану, которое

вошло в историю под названием Самарской ученой экспедиции для исследования Среднеазиатской железной дороги и изучения бассейна р. Амударьи или просто Самарской экспедиции, целью которой было исследование возможной трассы будущей железной дороги. В состав экспедиции кроме начальника входили граф Н. Я. Ростовцев, известный путешественник и исследователь Средней Азии И. В. Мушкетов, инженер-строитель В. Н. Соколовский, ботаник, профессор Н. В. Сорокин, зоолог Пульцам, Н. А. Маев, морской офицер капитан-лейтенант Н. Н. Зубов, инженеры путей сообщения Соколовский и Ляпунов, художники Н. Е. Симаков и Н. Н. Каразин, доктор Валицкий, полковник Лункевич. Зубов для исследования Амударьи должен был из Петро-Александровска подняться на лодках вверх по реке, насколько это было возможно.

Н. Е. Симаков остался в Самарканде с целью изучения архитектурных памятников. Остальные члены экспедиции, собравшись довольно поздно в Самарканде, выступили двумя партиями только в начале августа, так что большая часть лета была совершенно потеряна. Одна партия пошла на Карши, а другая — на Шаар. Николай Константинович, минуя Карши, с экспедицией продолжал путь на юг. Вскоре дорогу путешественникам преградили отроги Гиссарского хребта — Байсунтау и Кугитангтау. Начался горный этап экспедиции. Преодолев Гиссарский хребет через перевал Железные ворота, исследователи вышли в бассейн Амударьи. Из Дербента экспедиция начала движение на восток, исследуя встречавшиеся на пути правые притоки Амударьи. Это была наиболее трудная часть путешествия: пришлось преодолевать горные кручи, пересекаемые стремительными речными потоками. Наконец исследователи вышли к верховьям Сурхандарьи, самому крупному из правых притоков Амударьи. В конце августа 1879 г. экспедиция, спустившись по Сурхандарье, достигла Термеза — центра бухарских владений на границе с Афганистаном. Николай Константинович с оставшейся частью экспедиции дерзнул проникнуть в малоизвестные тогда верховья Амударьи на Памир. Выйдя на территорию современного Таджикистана, великий князь со спутниками достиг р. Вахш и спустился по ней к месту слияния Вахша с р. Пяндж, где собственно и рождается Амударья. Это произошло 1 сентября 1879 г. Отсюда экспедиция от-

правились обратно по Амударье до Петро-Александровска. Кулябская партия возвратилась почти тем же путем, но гораздо позже, попутно она совершила несколько поездок по Хиве для изучения старых русел Амударьи. На р. Сурхане части экспедиции соединились и достигли развалин Термеза на Амударье. Отсюда одна партия направилась вверх к долине Куляба, а другая — вниз по Амударье до Петро-Александровска, а затем через Кызыл-кумы в Казалинск и далее в Оренбург, куда возвратилась уже в конце сентября.

Из-за большой потери времени, а вследствие этого изменения назначенного маршрута, экспедиция значительно сократила свою работу, тем не менее результаты ее весьма разнообразны. К сожалению, предполагавшееся издание материалов, собранных этой экспедицией, не состоялось⁷². Краткое описание хода Самарской экспедиции помещено Н. Н. Каразиным со многими рисунками во «Всемирной иллюстрации» за 1879 и 1880 гг. Также еще более краткое изложение хода и результатов экспедиции написано Н. В. Сорокиным⁷³. Материалы Зубова остались не обработаны вследствие его смерти при штурме Геок-тепе⁷⁴. Граф Ростовцев составил маршрутную карту от Гузара до Термеза, но она также осталась неизданной. Наблюдения Мушкетова, в которых есть много заметок этнографического характера, вошли в его книгу «Туркестан» (т. 1). Н. Е. Симаков издал роскошный альбом среднеазиатского искусства⁷⁵. Н. А. Маев напечатал только краткие статьи о своих поездках по Гиссарскому краю, в которых сообщает некоторые сведения о местном населении, в частности о таджиках⁷⁶.

Культура таджиков, наряду с культурой некоторых других народов недавно присоединенных территорий Российской империи, была представлена на Антропологической выставке 1879 г., организованной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Большую роль в этом сыграл чиновник Туркестанского генерал-губернаторства А. И. Вилькинс, бывший к тому же активным членом естественных отделений ОЛЕАЭ и РГО.

На семнадцатом заседании Комитета по организации Антропологической выставки его родственник, член ОЛЕАЭ И. И. Вилькинс прочел извлечение из письма А. И. Вилькинса, находившегося тогда в Коканде, в котором, в частности, тот сообщал об исследовании им

местных цыган — люли и мазанги, и рекомендовал обратить внимание на местных кипчаков, в которых предполагал потомков половцев. Также он рекомендовал обратить внимание «на таджикское население Ферганы, в высокой степени интересное как по этнологическому значению, так и по теперешнему топографическому расселению своему. Желательно было бы снабдить дельным лингвистом. Здесь места в этом отношении еще почти нетронутые и не лишённые интереса <...> Имею непреодолимое желание непременно попасть на выставку <...> Предполагаю поставить на выставке группу с палаткой и всеми аксессуарами <...> Может быть, не лишено было бы интереса собрание коллекции (правда, очень небольшой) предметов домашнего обихода туркестанских народов, сохранивших несомненные следы весьма древнего происхождения и отчасти даже форм. Таковы, например, черпаки (ковши), гребенки, напоминающие по форме гребни бронзового века, и т. п. На мой взгляд, такое собрание могло бы наглядно представить, так сказать, “консерватизм” народа, стоящего сравнительно на высокой степени цивилизации, но так долго продолжающего сохранять предметы эпохи первобытной культуры. Доказательство такого консерватизма, мне кажется, было бы весьма важно по отношению обсуждения эпохи, к которой относятся вырытые в доисторических могилах предметы» (далее следуют советы, на что надо обратить внимание в разных местах Средней Азии)⁷⁷.

Несколько позже И. И. Вилькинс сообщает следующую выдержку из другого письма А. И. Вилькинса: «Попался мне недавно один очень интересный субъект, с Памира, из Тагармы (между Ваханом и Сарыколем); сделал измерения <...> Теперь созову всех наличных в Коканде Аванцев и промеряю их»⁷⁸.

Таджикская тема нашла продолжение в дальнейших письмах А. И. Вилькинса. Так как, по его мнению, киргизы (казахи), сарты, таджики и узбеки «уже примелькались в Москве», то он посчитал, как он пишет в специальном сообщении об этом событии, более интересным с разрешения фон Кауфмана прислать на Антропологическую выставку «тех случайных гостей, до которых трудно добраться антропологам»: «1) цыган из Индии (балудж) (т. е. белудж. — С. Д.); 2) авганец; 3) абиссинец», а также «шугнанец по имени Дильдар-

бек, уроженец Часнуд (сел. около крепости Кала Вамар) в Рошанском округе», которого Вилькинс рекомендует как «странника по святым местам (каландяра)»⁷⁹. По словам биографа А. И. Вилькинса А. П. Богданова, таким образом «эти народности впервые появились в Европе и представили собою интересный материал для антропологов и лингвистов»⁸⁰. 12 июля 1879 г. эти люди, привезенные из Центральной Азии, были представлены посетившему Антропологическую выставку великому князю Константину Николаевичу⁸¹. Они были сфотографированы и их групповой портрет представлен на вклейке в т. 4 издания «Антропологическая выставка» с подписью: «Представители Заравшанского округа Туркестанского края, бывшие на антропологической выставке 1879 года (мулат, белудж, авганец, шугнанец)»⁸².

Другим активным членом Антропологической выставки стал чиновник Самаркандского военно-народного управления М. М. Вирский. 8 октября 1878 г. на 26-м заседании Комитета по организации Антропологической выставки было сообщено, что исправляющий должность начальника Заравшанского округа генерал Н. Н. Корольков в письме на имя президента Общества сообщил, что начальник Заравшанского округа генерал-майор Иванов, получив письмо из Общества, изъявил желание, чтобы «Зеравшанский округ экспонировался на этой выставке возможно полными и разнообразными коллекциями предметов, относящимися к антропологии и этнографии». На эти цели были выделены специальные средства. Уезжая в отпуск, генерал Иванов поручил Королькову озаботиться составлением коллекции предметов для выставки. В связи с этим Корольков информировал, что сбор предметов активно ведется и в начале 1879 г. они должны быть доставлены в Москву. Часть собранных предметов предполагалось передать в полную собственность вновь организуемого музея при Московском университете. С вещами командировался губернский секретарь Вирский, которому было поручено доставить их и установить в помещении выставки, а также осуществлять над ними надзор во все время работы выставки, передачу вещей в дар музею и доставку оставшихся вещей обратно в Самарканд⁸³. В результате на выставке наряду с другими народами Самаркандского округа (узбеками, индусами, иранцами, индусами) в отделе мане-

кенов, изготовленных художником И. И. Севрюгиным при помощи портретов, доставленных Вирским, мы находим «Таджика (сарта) — богатого купца» и «Таджичку (богатую сартянку)»⁸⁴.

Вирский в ходе подготовки и демонстрации выставки также участвовал в ней в качестве автора рефератов на съездах, которые проводились в ходе ее работы, а также в издательской деятельности Общества, за что был избран действительным членом Общества⁸⁵. В частности, им был подготовлен доклад «Об устройстве сартовской могилы и похоронных обрядах туземцев Самарканда», как было сказано, «плод случайных и разрозненных наблюдений», опубликованный в трудах выставки. Образец сартовской могилы (срез в обрыве) был представлен на выставке⁸⁶. В другом докладе, посвященном непосредственно таджикам и основанном на собственных наблюдениях Вирского, давались описания равнинных и горных таджиков, их антропологического типа, обрядов жизненного цикла, а также свадебных обрядов, развлечений, обучения грамоте и т. д.⁸⁷ Был он и автором ряда заметок о фауне Туркестанского края⁸⁸.

После присоединения в 1876 г. Кокандских владений к Российской империи и образования Ферганской области управитель Туркестанского края генерал-губернатор К. П. фон Кауфман настаивал на необходимости изучения среднеазиатского земледелия, природных условий, своеобразных агрономических приемов среднеазиатского земледелия и особенностей складывающегося хозяйственного уклада. В этом его поддерживал вице-президент РГО П. П. Семенов, по мнению которого, «прежде всего нужно изучить всю сумму естественных условий производительности края и существующего экономического положения населения и определить на основании этого изучения не только экономическую будущность края, но и здравую экономическую политику местной администрации».

В конце 1876 г. Кауфман обратился к Семенову с просьбой рекомендовать ему ученого, который мог бы разобраться во всех этих вопросах и дать практические рекомендации местным чиновникам. Семенов рекомендовал известного путешественника по Сибири почетного академика А. Ф. Миддендорфа, который был известным знатоком земледелия и животноводства. В то время Миддендорфу было уже за шестьдесят, и он советовал Семенову привлечь к изучению

Ферганы более молодые силы. Но Семенов настоял на своем, и Миддендорф после продолжительных дискуссий в 1878 г. все же поехал в Фергану⁸⁹.

Как отмечает Миддендорф в предисловии к своей книге, «вопрос шел о том, чтобы удовлетворить просвещенным стремлениям Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана. Проникнутый убеждением, что наука должна прокладывать пути для управления этой совершенно чуждою новою составною частью нашего государства, генерал-губернатор фон Кауфман тотчас же по вступлении в этот край предпринял непрерывный ряд исследований новоприобретенной земли, которые не только шли вслед за завоеваниями, но, как известно, отчасти даже предшествовали им. Вскоре надо было устроиться по-домашнему, — и вот на мою долю выпало сказать свое слово об естественных условиях Ферганы по отношению к ее сельскохозяйственной обстановке». Для работы в Фергане Миддендорфу был дан шестимесячный срок, из которого половина ушла на путешествия в эти далекие края. В экспедиции его сопровождали гражданский инженер В. Перру и ботаник С. М. Смирнов⁹⁰.

Первоначально Миддендорф планировал посетить регион три раза, работая там по полгода в разные сезоны, однако судьба судила ему посетить Среднюю Азию только один раз. В ходе этой своей экспедиции он совершил несколько поездок в разные районы Ферганской долины. Собранный материал лег в основу труда, изданного первоначально на немецком языке, который стал настольной книгой для многих исследователей Средней Азии и местных чиновников-практиков. В книге три основных раздела: природные условия, хозяйство, население⁹¹.

В своем труде Миддендорф охарактеризовал условия местного земледелия, в частности дал характеристики местных почв, злаков, которые здесь культивирует местное население, способы обработки почвы, орудия сельскохозяйственного труда, характеристики скота и способов скотоводства. Все эти данные изобиловали подробностями, интересными с этнографической точки зрения. В частности, в книге приводится краткое изложение «Рисаля земледельцев», которая была найдена Смирновым в ходе экспедиции⁹². Одновременно в книге даются интересные рекомендации для перспективного раз-

вития хозяйства в этом регионе в дальнейшем. Сравнительно небольшая, но весьма содержательная глава отведена описанию местного населения, его трудовой деятельности, этническим характеристикам и элементам этнической истории, в частности это касается местного таджикского населения, его роли в местной экономике⁹³.

Экспедиция Миддендорфа прибыла в феврале, а в мае уже окончила свои исследования, за исключением Смирнова, который для более подробного изучения культурных растений остался в Фергане еще на три года. Он совершил путешествие в Дарваз и возвратился только в 1881 г.

По широко распространенному мнению исследователей Средней Азии, труд Миддендорфа занял достойное место в этнографическом изучении данного региона, в частности традиционной культуры таджиков⁹⁴.

Большая роль в исследовании территории Таджикистана принадлежит офицерам российского Генерального штаба, которые в своих отчетах приводят этнографические сведения о местном населении⁹⁵. Некоторые из них довольно обширны и интересны. Так, в 1893 г. рекогносцировочная партия под командованием Генерального штаба капитана Ванновского работала на Памире, прошла по Бартангу, побывала в Рушане и Дарвазе⁹⁶. В отчете приводятся довольно интересные сведения по политической истории Рушана, легенды о приходе прародителей местных династий из Хорасана в отдаленные времена⁹⁷. Далее⁹⁸ приводятся сведения о местном населении, его языке, занятиях (земледелии, скотоводстве, обработке кож, вязании, золотодобыче в селениях Бадурт, Бардара и Басид), особенностях жилых и хозяйственных построек, интерьера жилых помещений, данные об одежде, утвари, пище, религии, браке, положении женщины, похоронных обрядах (в частности, упоминается об обязанности женщины танцевать на могиле умершего мужа в день похорон «до самозабвения»). По этому поводу он отмечает, что «судя по рассказам, этот танец есть род самоистязания, и кончается тем, что танцующие женщины, придя в религиозный экстаз, вцепляются друг другу в волосы и вырывают их клочья, катаясь по земле»⁹⁹), увеселениях (в частности, танцах, пении, в том числе хоровом, охоте и т. д.).

Летом 1883 г. состоялась Памирская экспедиция, отправленная тогдашним туркестанским генерал-губернатором М. Г. Черняевым

из Ташкента. В составе этой экспедиции были астроном, офицер Генерального штаба Путята, горный инженер Д. Л. Иванов и топограф Н. А. Бендерский. 8 июня экспедиция выступила из Оша.

Вначале экспедиция в основном шла одним отрядом, разделяясь в некоторых случаях на отдельные группы. В конце сентября она разделилась на два отряда и в дальнейшем уже не соединялась. Один из отрядов возглавил Д. Л. Иванов, который 30 сентября вышел из Дараут-кургана и направился вниз по долине Сурхаба до г. Гарма и устья Оби-Хингоу, откуда через перевалы Камчирак, Захбурсы и Ахба-рабат, достиг столицы Дарваза Кала-и-Хумба. На обратном пути он совершил несколько небольших экскурсий и той же дорогой через Алай и пер. Исфайрам возвратился в Фергану, чем и закончил свое путешествие.

Путята и Бендерский вышли из Дараут-кургана через два дня после Иванова и до г. Гарма шли почти той же дорогой; но затем через пер. Болезак они направились в долину Ак-су, или Ях-су, и достигли г. Куляба и Амударьи у укр. Сиаба и Каланшикака, исследовали многие малоизвестные местности Гиссарских владений и через г. Гиссар, Сарыджуй и Шахрисябз возвратились в Самарканд.

Экспедиция собрала многочисленные материалы. Кроме географических в отчете Путяты мы встречаем довольно обширные сведения о таджикском населении Памира, в частности ваханцах и шугнанцах, их занятиях, он отмечает принадлежность ваханцев к шиитскому направлению в исламе, а также описывает политическую обстановку, которая сложилась в этом регионе в то время¹⁰⁰. Иванов собрал большую геологическую коллекцию, сделал много термометрических и общих физико-географических наблюдений и около ста рисунков видов Памира¹⁰¹. Кроме того, он составил довольно подробное описание населения Шугнана, Рошана, Дарваза, части Каратегина, условий проживания в этих регионах. В его записках мы находим описание политической системы, жилища, религии, основных занятий (земледелия, скотоводства, промыслов), торговых эквивалентов, женской одежды, праздников, системы счета и т. д.¹⁰² Особый интерес в собранных Д. Л. Ивановым материалах представляет составленный им «лексикон неизвестного до сих пор шугнанского языка, которым жители (говорящие вообще по-таджикски) объясняются между собою»¹⁰³.

С 1895 по 1901 г. было совершено три экспедиции на Памир графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского. В одной из них участвовал известный впоследствии востоковед А. А. Семенов. Этим экспедициям посвящен отдельный очерк в данной монографии.

В самом конце XIX в. началась научная биография М. А. Андреева, много сделавшего для изучения этнографии таджикского народа. Основной этап его деятельности приходится уже на 1910—1940-е годы.

В 1895—1899 гг. на Памир совершил пять поездок антрополог С. Д. Масловский. Основной целью его экспедиций были антропологические измерения, однако им был собран и довольно интересный этнографический материал, который был обобщен в его статье, вышедшей в 1901 г.¹⁰⁴ В частности, описывая население Гиссара, Каратегина, Матчинской волости, Язгулема, он дает характеристику его этнографического облика, описывает занятия, жилища, семейные отношения, одежду, религию, систему землепользования. Им приводятся некоторые данные по местной демонологии, охранительным обрядам и другим обычаям. Были записаны Масловским и легенды, в частности о происхождении некоторых семей ягнобцев, среди которых из поколения в поколение были очень красивые женщины, от Великого Али, победившего местных дивов, и их сестры-пери. Вследствие своего чудесного происхождения эти прекрасные женщины обладали чудесными силами, которые, по словам информантов, они неоднократно демонстрировали¹⁰⁵.

С 1899 г. на Памире началась научная биография генерала А. Е. Снесарева. Он совершил большое путешествие через Памир, был в труднодоступных местах Кашмира, в Афганистане и Тибете. В 1903 г. Снесарев назначается начальником Памирского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи. Находясь в этой должности, он продолжает исследование местного населения, много ездит по подведомственному ему региону. В ходе этих поездок собирается и этнографический материал, делаются зарисовки, в которых отражается жизнь местного населения, таджиков и киргизов, их занятия, нравы и т. д.¹⁰⁶ В январе 1904 г. на заседании Туркестанского отдела РГО им был прочитан доклад «Религия и обычаи горцев Западного Памира»¹⁰⁷, текст которого затем был опубликован в «Туркестанских

ведомостях»¹⁰⁸. Впоследствии на эту тему он сделал доклад на 15-м Международном конгрессе ориенталистов в Копенгагене в 1908 г.¹⁰⁹ В своем сообщении Снесарев приводит сведения по общей истории региона, распространении в Средней Азии зороастризма и буддизма. В последней, наиболее содержательной части этого доклада, ссылаясь на сведения, полученные им от хорунжего Голявинского — начальника пограничного поста Лянгар, расположенного около селения того же названия¹¹⁰, Снесарев рассказывает об истории появления исмаилизма на Памире, особенностях этой ветви ислама, а также приводит данные по обычаям местного населения: при выходе на летовки, брачные, родильные, похоронные, связанные с детством и т. д.

В 1906 г. совершил две поездки по Памиру известный знаток края Н. Г. Маллицкий. В ноябре того же года на общем собрании Туркестанского отдела РГО им сделан доклад о быте населения этой горной страны, однако в полном объеме в то время его материалы не увидели свет. Ему только удалось издать небольшую статью в газете «Туркестанские ведомости», в которой он описал сопровождавшиеся пением пляски горцев в сел. Дарх¹¹¹, и краткий отчет о поездке в местном отделе РГО, который, по его словам, страдал неточностями¹¹². Уже в значительно более позднее время в том же издании вышла его статья, посвященная традиционной культуре ягнобцев¹¹³. В ней приводятся сведения о селениях, в которых говорят по-ягнобски, о занятиях местного населения, торговле, отхожих помыслах в Ташкенте и других местах и т. д. В статье отмечается, что ягнобцы некоторых селений делали глиняную посуду, а свою продукцию поставляли в другие селения. Также приводятся местные легенды о домусульманском прошлом, лексический материал по ягнобскому языку.

Поводя итог этому периоду изучения таджикской культуры, необходимо отметить, что именно тогда был заложен интерес к изучению традиционной культуры таджикского народа. В дальнейшем, уже до Первой мировой войны и особенно в послереволюционный период, начался период систематического изучения местной культуры. Сотрудниками местного Среднеазиатского, а затем Ташкентского университета, созданной позднее Базы, а затем филиала Академии наук, был заложен фундамент научного систематического изучения этно-

графии таджиков, который в последующем стал основой для многих значительных трудов исследователей разных поколений отечественной науки.

Примечания

¹ Савельев П. Бухара в 1835 г. С присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 г. включительно. Отгиск из журнала *Сын отечества*, 181 (СПб., 1836).

² Мушкетов И. В. *Туркестан: геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г.* (СПб., 1886), т. 1.

³ Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. *Записки ИРГО*, IX (1853); Завьялов В. В. Исторический обзор путешествий в Бухарию. *Оренбургские губернские ведомости*, 20—23, 25—29 (1854); Романовский Д. И. *Заметки по среднеазиатскому вопросу* (СПб., 1868); Остроумов Н. П. Бухарские и хивинские посольства в России и русские посольства в Бухару и Хиву (исторические параллели). *Туркестанские ведомости*, 86, 100 (1907).

⁴ Казанский К. К. *Вблизи Памиров* (Ташкент, 1895), с. 108—110.

⁵ Липский В. И. «Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. I—3: Ботанические коллекции из Средней Азии». *Труды Тифлисского ботанического сада*, VII/1—3 (Санкт-Петербург, 1902—1903).

⁶ Маслова О. В. *Обзор русских путешествий в Среднюю Азию: материалы к истории изучения Средней Азии* (Ташкент, 1955—1956), ч. I—II.

⁷ Хайтун Д. Е., Шibaев Ю. А. «Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (краткий очерк)». *Ученые записки Таджикского государственного университета* (1955), т. 7, с. 47—66.

⁸ Кисляков Н. А. «Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза». *Таджики Каратегина и Дарваза* (Душанбе, 1966), ч. 1, с. 9—24.

⁹ Шукуров М. Р. «Дореволюционные русские исследователи страны таджиков». *Из истории культурного строительства в Таджикистане* (Душанбе, 1973), вып. 1, с. 8—24.

¹⁰ Акрамов Н. М. *Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского* (Душанбе, 1975); он же. *Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья*. Автореф. дис. ... д. и. н. (Душанбе; М., 1975).

¹¹ Бокиев О. Б. Освещение истории Таджикистана в трудах русских дореволюционных востоковедов. *Из истории культурного строительства в Таджикистане* (Душанбе, 1970), вып. 2, с. 136—161; он же. *Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии* (Душанбе, 1976); он же. *Русские исследователи Таджикистана* (Душанбе, 1986); он же. *Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах дореволюционных исследователей* (Душанбе, 1991).

¹² Арапов Д. Ю. *История изучения Бухарского ханства в русской востоковедческой дореволюционной историографии*. Автореф. дис. ... к. и. н. (М., 1978); он же. *Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии* (М., 1981).

¹³ Пирумшоев Х. *Отражение истории городов и городской жизни Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. в трудах русских исследователей*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Ташкент, 1979).

¹⁴ Давлябеков Н. *Вклад русских исследователей в изучение религии и верований населения Памира*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 1986).

¹⁵ Наврузов Т. С. *Социально-экономическая и культурная жизнь Восточной Бухары второй половины XIX — начала XX века (по материалам русских исследователей Н. А. Маева, Г. А. Арендаренко и В. И. Покотило)*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 1986).

¹⁶ Масов Р. М. Освещение истории таджикского народа в трудах русских ученых. *История исторической науки и историографии социалистического строительства Таджикистана* (Душанбе, 1988), с. 38—51.

¹⁷ Дубовицкий В. В. *Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1897—1917)*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 1989); он же. *Деятельность Туркестанского отдела РГО по изучению Кулябского и Бальджуанского бекств конца XIX — нач. XX вв. История и культура Куляба (прошлое и настоящее)* (Душанбе, 1988), с. 45—46; Дубовицкий В. В. *Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1897—1917 гг.)* (Душанбе, 2006).

¹⁸ См., напр.: *Таджикистан в трудах русских исследователей (вторая половина XIX — начало XX в. (Душанбе, 1990); Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей* (Душанбе, 1991); *Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв.* (Душанбе, 1992).

¹⁹ Пирумшоев М. Х. *Памир в русской историографии второй половины XIX — начала XX вв.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2011).

²⁰ Рахматова З. Ю. *Вклад русских ученых в формирование и развитие естественных наук Таджикистана во второй половине XIX — начале XX вв.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2009).

²¹ Самиев А. М. *Географические исследования Памира в конце XIX — первой половине XX вв. и их значение для развития науки и экономики современного Таджикистана.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2010).

²² Алиева Р. Р. Вклад русских путешественников и ученых в изучение истории, этнографии, экономики и политического строя таджикского народа. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2 (2009).

²³ Рахмонов Ш. Исследование географии Зеравшанской долины: дореволюционный период. *Вестник Таджикского национального университета*, 10 (74) (Душанбе, 2011), с. 217—221.

²⁴ Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару. *Путешествие из Оренбурга в Бухару* (М., 1975).

²⁵ Вести от русских из Бухары. *Вестник Европы*, СХVII/7—8 (1821), с. 257—270; Замечания о торговле бухарцев. *Сибирский вестник*, 13 (1821), с. 149—160; Известие о возвращении Императорской Российской миссии из Бухарии. *Там же*, 15 (1821), с. 53—54; Яковлев П. Л. Отрывок из путешествия в Бухарию в 1820 и 1821 годах. *Там же*, 18 (1822), с. 419—428; он же. Въезд в город Бухару Российской Императорской миссии в 1820 г. *Там же*, 19 (1822), с. 47—52; Некоторые сведения о Бухарии (получены из достоверных источников). *Отечественные записки* (1821), 6/ XII (1821), с. 40—49; XVI, с. 295—318; XVII, с. 202—212; Мейендорф Г. Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году. *Северный архив*, 2 (1822), с. 184—193; Эверсман Э. Письмо доктора Эверсмана, находившегося при Российской миссии в Бухарии, полученное 1 марта 1821 года в С.-Петербурге. *Там же*, с. 512—517; О путешествии г. Мейендорфа в Бухарию. *Там же*, 24 (1825), с. 395—401; см. также: Г. С [пасский]. Новейшее описание Великой Бухары, составленное на основании сведений, большей частью на месте собранных. *Азиатский вестник* (1825), 1, с. 3—15; 2, с. 75—80; 4, с. 231—240; 5, с. 304—311; 6, с. 374—380.

²⁶ Meyendorff E. *Reise von Orenburg nach Bouchara im Jahre 1820 Baron E. de Meyendorff. Nach dem franz. original bearbeitet von C. Herrn V. Scheider* (Jena, 1826).

²⁷ Сведения о Бухарии [из кн. Мейендорфа]. *Журнал Министерства внутренних дел*, 18 (1835), с. 405—482; Мейендорф. О бухарской торговле (из путешествия в Бухарию барона Г. Мейендорфа в 1820 г.). *Журнал мануфактур и торговли*, 6 (1832), с. 83—105; он же. Статистический взгляд на Буха-

рию (из книги «Путешествие в Бухарию полковника барона Мейендорфа». *Северный архив*, 23 (1826), с. 161—162; он же. Нравственное состояние Бухарии (из книги «Путешествие в Бухарию полковника барона Мейендорфа»). *Там же* (1826), 24, с. 72—85; 25, с. 178—194; О торговле Бухарии (из путешествия барона Мейендорфа в Бухарию). *Московский телеграф*, XI/19, с. 161—185; *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. *Казанский вестник*, 18 (1826), 12, с. 233—259.

²⁸ Он же. Путешествие из Оренбурга в Бухару через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарга, описанное Егором Мейендорфом, полковником Генерального штаба и просмотренное Амедедем Жобером. *Московский телеграф*, X/15 (1826), с. 231—239; XI/17, с. 48—62; Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1826 г. Издано бароном Мейендорфом. *Русский инвалид*, 45, 48 (1827).

²⁹ Он же. *Путешествие из Оренбурга в Бухару* (М., 1975). См. также рецензию Арапова на эту книгу. *История СССР*, 3 (М., 1978), с. 183—185.

³⁰ Eversmann E. *Reise von Orenburg nach Buchara. Nebst einem Wortverzeichniss aus der afghanischen Sprachen, begleitet von einem naturhistorischen Anhang und einer Vorrede von N. Lichenstein* (Berlin, 1823); см. также: *Russian Missions into the Interior of Asia* (L., 1823).

³¹ Отрывки из «Путешествия доктора Эверсмана в Бухарию в 1820 и 1821 году». Пер. с нем. В. Тилло. *Новости литературы*, 8/15 (1824), с. 33—45; 16, с. 49—57; 17, с. 65—76; Бухарские лекаря (из путешествия в Бухарию доктора Эверсмана). *Сибирский вестник*, IV/20—21 (1823), с. 170—183. Об Э. Эверсмани см. также: Васильев А. Путешествие доктора Эверсмана в Бухару, *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*, XIV (1905); Гептнер В. *Эверсман Э. А. — зоолог и путешественник. 1794—1860* (М., 1940); Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 82, 85; Богданов А. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850—1888 гг.), т. 3. *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1888—1892*, 70; Липский. *Указ. соч.*, с. 258.

³² Будрин, священник. Русские в Бухаре в 1820 году. *Оренбургские губернские ведомости*, 24—31 (1870); он же. Русские в Бухаре в 1820 году (записки очевидца). *Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год* (Оренбург, 1871), с. 1—45.

³³ Богословский. Записка о долине Зеравшана и горах ее окружающих. *Горный журнал*, X/IV (1842), с. 1—22.

³⁴ Бутенев К. Ф. Минеральные богатства Бухарии. *Там же*, XI/IV (СПб., 1842); он же. Замечания о ковке булата в Бухаре. *Там же*; он же. Об уве-

личении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарии. *Там же*; Заводское дело в Бухаре. *Там же*; он же. Монетное дело в Бухарии. *Там же*; он же. Результаты метеорологических наблюдений на пути из Оренбурга в Бухарию и со времени пребывания в ней в 1841 и 1842 годах. *Там же*; он же. Заводское дело в Бухарии. *Мануфактурные и горнозаводские известия*, 1 (1843); см. также: он же. Записка о торговле в Бухарии русским хищническим золотом. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: альманах* (Москва, 2003), с. 370—373.

³⁵ Lehmann A. *Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842 nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. v. Helmersen nebst einem zoologischen Anhang von J. F. Brandt mit fünf lithographierten Tafeln und einer Karte* (St.-Petersburg, 1852). См. также: Соловьев М. М. *Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана* (М.; Л., 1936); О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран Азии. *Географические известия, издаваемые Императорским Русским географическим обществом* (1850), с. 423—432.

³⁶ О нем см.: Халфин, Рассадина Е. Ф. *Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат* (М., 1977); см. также: Додохонов М. *Исследования Е. К. Мейендорфа и Н. В. Ханыкова как источник по истории Бухарского ханства первой половины XIX века*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 1999).

³⁷ Ханыков Н. В. *Описание Бухарского ханства* (СПб., 1843); см. также: он же. Городское управление в Средней Азии. *Журнал министерства внутренних дел*, 6 (1844).

³⁸ Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 97—99; Липский *Указ. соч.*, ч. II, с. 100—106, 274—275; ч. III, с. 429—431; Маслова. *Указ. соч.*, с. 53—59.

³⁹ Арндаренко Г. А. Каратегин (по расспросным сведениям). *Военный сборник*, 5 (1878); он же. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк Г. А. Арндаренко). *Там же*, 11—12 (1883); он же. В горах Дарваза и Каратегина. *Восточное обозрение*, 23, 29 (1883). См. также: Наврузов Т. С. О поездке Г. А. Арндаренко в Каратегин и Дарваз. *Материалы по истории и истории культуры Таджикистана* (Душанбе, 1981), с. 239—243.

⁴⁰ Хорошхин А. Сборник статей, касающихся дел Туркестанского края (СПб., 1876); Арндаренко. Каратегин...; Ошанин В. Ф. Дарваз и Каратегин. *Известия РГО*, 17/1 (1881); Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств, *Материалы для статистики Туркестанского края*, 5 (СПб., 1879).

⁴¹ Гребенкин А. Этнографический очерк Заравшанского округа. *Туркестанские ведомости*, 41 (1871), с. 176—177 (персы, арабы, мазан, люли,

джючи, ходжи); он же. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа. *Материалы для статистики Туркестанского края*, 2 (СПб., 1873), с. 511—514 (ремесла: ткацкое и вязальное; кузнечное, медное проч.; коженное, плотничье, столярное, токарное; сапожное, шорное, седельное проч.; красильное; гончарное, швейное; подробно описаны виды тканей); он же. Таджики. *Русский Туркестан*, 2 (М., 1872), с. 1—50. Об экспедиции см.: Икрамов Н. Искандеркульская военная экспедиция и начало изучения Верхнего Зеравшана. *Ученые Записки Худжандского государственного университета*, 1 (21) (Худжанд, 2010), с. 34.

⁴² См.: Аминов П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшан. *Материалы для статистики Туркестанского края*, 3 (Ташкент, 1874).

⁴³ См.: Мышенев Д. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. *Там же*, 2.

⁴⁴ О деятельности А. П. Федченко как исследователя истории и культуры таджиков см.: Акрамов, Акрамова Х. А. П. Федченко — исследователь истории и истории культуры верховьев Зеравшана. *Ученые Записки Худжандского государственного университета*, 10 (Худжанд, 2005).

⁴⁵ Об А. Л. Куна и его деятельности в Средней Азии см.: А. Л. Кун (некролог). *Туркестанские ведомости*, 46 (1888), с. 182—183; Каримова А. Д. Деятельность ориенталиста А. Л. Куна в Туркестане в 1868—1881 гг. *Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета*, 15 (Ташкент, 1956), с. 23—30; Адрианов Б. В. Архив А. Л. Куна. *Советская этнография*, 4 (1951), с. 149—155; Лунин Б. В. *Историография общественных наук в Узбекистане: библиографические очерки* (Ташкент, 1974), с. 203—208; Жданко Т. А. Каракалпаки в научных исследованиях периода их присоединения к России (1873—1874). *Среднеазиатский этнографический сборник*, 4 (М., 2001), с. 5—34; Васильева П. *История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке: конец XVIII—XX вв.* (М., 2003), с. 44—45; Костецкий В. А. *Россияне в Туркестане* (Ташкент, 2007), с. 114—115.

⁴⁶ Гребенкин. Заметки о Когистане. Нагорные бекства Зеравшанского округа. *Материалы для статистики Туркестанского края*, 2 (М., 1873); он же. Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фрабском и Киштутском. *Там же*; он же. Несколько слов о разведении хлопчатника в Зеравшанской долине. *Туркестанские ведомости*, 10 (1873); он же. Очерки Когистана. *Всемирный путешественник* (Январь 1873), с. 60—88. О деятельности Гребенкина см.: Басханов М. К. *Русские военные востоковеды до 1917 года: библиографический словарь* (М.,

2005), с. 66—67; Валиев А. Гребенкин А. Д. — исследователь традиционной культуры таджиков во второй половине XIX века. *Вестник Таджикского национального университета*, 3/3 (87) (Душанбе, 2012), с. 14—19.

⁴⁷ *Русский Туркестан*, 3 (1872), с. 199; см. также: Воронец Е. Искандеркульская экспедиция в 1870 г. *Инженерный журнал*, 5 (1871), с. 547—586. О деятельности Искандеркульской экспедиции см. также: Хромов А. Л. О дневнике Искандеркульской экспедиции в 1870 г. *Известия АН Таджикской ССР*, 2 (Душанбе, 1982); Икрамов Н. *Указ. соч.*, с. 133—143.

⁴⁸ Аминов П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшана. *Туркестанский ежегодник*, 3 (Санкт-Петербург, 1874), с. 1—106.

⁴⁹ Абрамов К. А. Записка о Каратегинском владении, составленная по вопросам. *Известия РГО*, VI/3 (1870), с. 106—110.

⁵⁰ Об этом упоминает и А. П. Федченко, уточняя, что Кун привез в Самарканд трех ягнобцев с целью сбора языкового материала (Федченко А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана в июне 1870 г. *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, X/1 (М., 1872), с. 83). В отчете А. П. Федченко приводится и ряд наблюдений этнографического характера.

⁵¹ Искандер-Тюря [Кун]. Сведения о ягнаубском народе (к материалам для исследования ягнаубского языка). *Туркестанские ведомости*, 3 (20 января 1881), с. 11—12.

⁵² *Там же*, 4 (27 января), с. 11—12.

⁵³ Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 228.

⁵⁴ Акимбетов Ш. Очерки Когистана. *Туркестанские ведомости*, 2 (13 января 1881), с. 7—8; 3 (20 января), с. 10—11.

⁵⁵ Федченко. В Кокандском ханстве. *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, XI/7 (СПб.; М., 1875).

⁵⁶ *Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, составлен членами комиссии М. И. Бродовским, Д. Л. Ивановым, И. И. Краузе, А. П. Федченко и О. А. Федченко* (М., 1872), с. 3.

⁵⁷ *Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О. А. Федченко, исполненные гг. Саврасовым в Москве, Лоран, Сисери, Сабатье и Лемерсье в Париже* (Б. м., б. г.).

⁵⁸ Marie de Ujfalvy-Bourdon. *De Paris à Samarcande, le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie occidentale, impressions de voyage d'une parisienne* (P., 1880).

⁵⁹ Об этой экспедиции и ее результатах см.: *Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan par Ch. E. de Ujfalvy de Mezö-Kovesd. I. Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, avec un appendice sur la Kachgharie. II.*

Le Syr-Darja, le Zérafchâne, le pays des Sept-Rivières et la Sibérie-Occidentale, avec quatre appendices. III. Les Bachkirs, les Vêpèses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques, précédés des résultats anthropologiques d'un voyage en Asie centrale. IV. Atlasanthropologique des peuples du Ferghanah. V. Atlas des étoffes, bijoux, aiguères, émaux etc. de l'Asie centrale. VI. Atlas archéologique des antiquités finno-ougriennes et altaïques de la Russie, de la Sibérie et du Turkestan (Р., 1878—1880) (рец.: Иванов Д. Л. *Туркестанские ведомости*, 1 (1881); см. также: Горшенина С. *Туркестанские путешествия Шарля-Эжена Ужфальви. Культурные ценности. 1997—1998* (1999) (СПб., 1999), с. 227—234; Проскурин В. Н. Как французы в край Семи Рек ходили. *Простор*, 4 (2001); он же. По страницам истории францужско-казахстанских отношений кон. XIX в.). *Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии*, 2 (2009), с. 90—93.

⁶⁰ Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 228, прим. 4.

⁶¹ За собранный в ходе экспедиции гербарий и альбом видов О. А. Федченко получила Большую золотую медаль ОЛЕАЭ, а на Политехнической выставке — две золотые медали. За заслуги по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Кокандского ханства в феврале 1872 г. кабинетом его императорского величества была пожалована золотым браслетом, украшенным бриллиантами с рубином. За перевод работы Г. Юля «Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи» (Пер с англ. [и предисловие] О. А. Федченко. С доп. и прим. А. П. Федченко, Н. В. Ханыкова и Г. Юля. *Известия РГО*, 6 (1873). Приложение) она была удостоена серебряной медали ИРГО. В 1875 г., продолжая подготовку к изданию «Путешествия в Туркестан», она снова обратилась к переводам с немецкого и английского языков для медицинских, технических и естественно-исторических журналов, а также с русского на английский перевела для Юля отчет о путешествии Падерина на Каракорум, с английского — письма Биддольфа, Троттера, Гордона и Стоички с Памира, напечатанные под заглавием «От Кашгара до Кила-Пянджа» (*Известия РГО*, 1 (1875)). Осенью 1876 г. в качестве делегата от ОЛЕАЭ приняла участие в Съезде ориенталистов в Санкт-Петербурге. В 1876 г. переводила с французского (почти все переводы публиковались анонимно), с 1877 г. несколько лет состояла секретарем Совета ОЛЕАЭ; 15 октября 1874 г. избрана почетным членом этого общества; с 1877 г. член-сотрудник, член-корреспондент Общества испытателей природы. В 1875 г. принимала заочное участие в Географическом конгрессе в Париже, куда было выслано издание «Путешествия в Туркестан», за которое она получила бронзовую медаль. В 1878—1879 гг. член Комитета Антропологической выставки, организованной ОЛЕАЭ (Богданов А. *Указ. соч.*).

⁶² Федченко. Памир и Шугнан (предварительный отчет). *Известия РГО*, 38/2 (1902), с. 300—302.

⁶³ Он же. Шугнан. Географические и ботанические результаты путешествий в 1901 и 1904 г. Ч. 1. *Труды Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада*, 30/1 (СПб., 1909).

⁶⁴ Костенко А. Ф. *Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г.* (СПб., 1871). См. также компилятивную книгу о Туркестане этого автора: *Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности* (СПб., 1870).

⁶⁵ Кушакевич А. А. Сведения о Ходжентском уезде. *Записки Императорского Русского географического общества по общей географии*, 4 (СПб., 1871), с. 173—266.

⁶⁶ Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. *Известия ИРГО* (1876), с. 349, то же: *Туркестанские ведомости* (1875).

⁶⁷ Он же. Маршруты и заметки по южным частям Бухарского ханства. *Там же* (1878), с. 361; он же. Комментарии на описание верхнего течения Аму-дарьи Ибн-Даства. *Там же*, 1 (1879), с. 10—15; он же. Рекогносцировка горных путей в Бухарском ханстве. *Там же*, 2 (1879), с. 87—92; он же. Степные пути от Карши к Аму-Дарье и долины Вахша и Кафирнигана. *Там же*, 3 (1881), с. 166—179; он же. Путевые заметки о Бухарском ханстве. *Военный сборник* (1877); почти все эти статьи напечатаны также в *Туркестанских ведомостях*.

⁶⁸ Маршруты А. Э. Регеля по региону см.: Липский. *Указ. соч.*, с. 492—304; аннотации естественно-исторических работ А. Э. Регеля см.: там же, с. 158 и след. См. также об экспедициях Регеля: Семенов П. П. *История полудековой деятельности Императорского РГО. 1845—1895* (СПб., 1896), т. 2, с. 777—785.

⁶⁹ Регель А. Э. Садоводство в Туркестанском крае. *Вестник Российского общества садоводства*, 4 (СПб., 1881), с. 183—188.

⁷⁰ Он же. Поездка в Каратегин и Дарваз. *Известия РГО*, 18/2, с. 137—141; он же. Путешествие в Шугнан. *Там же*, 20/3 (1884) (то же: *Туркестанские ведомости*, 17 (1884)). Об этом путешествии см. также: Ошанин В. Ф. Поездка Регеля в Дарваз. *Там же*, 5 (1882).

⁷¹ Косяков П. Е. Путевые записки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (с маршрутной картой). *Известия РГО*, 20/6, с. 589—613.

⁷² [Заметка]. *Там же* (1879), с. 207; Заметка о Келифском Узбое. *Там же*, XXII/IV (1886), с. 440; Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 267—268; Салоникес М. И. Самарская ученая экспедиция 1879 года. *Вопросы истории*, 1 (1996), с. 152—157.

⁷³ Сорокин Н. В. *Путешествие в Среднюю Азию и Францию в 1878 и 1879 годах (отчет, представленный в физико-математический факультет Казанского университета)* (Казань. 1881).

⁷⁴ [Зубов Н. Н., капитан-лейтенант]. Некролог. *Отчет ИРГО за 1881 год*.

⁷⁵ Симаков Н. Е. *Искусство Средней Азии. Сборник средне-азиатской орнаментации исполненный с натуры членом Самарской ученой экспедиции в Среднюю Азию Н. Е. Симаковым* (СПб., 1883). Перед этим изданием буквально «благоговел» известный русский искусствовед В. В. Стасов, по словам которого оно «делало нам громадную честь перед всей Европой, которая нас за то и оценивает по достоинству». Этому изданию В. В. Стасов посвятил три рецензии (*Художественные новости*, 4 (15 февраля 1883), с. 129—136 (см. также: *Собрание сочинений В. В. Стасова* (СПб., 1894), т. 2, с. 695—702); он же. [Заметка]. *Голос*, 64 (10 марта 1882) (см. также: *Собрание сочинений В. В. Стасова*, с. 693—695); “L’art dans l’Asie Centrale N. Simacoff”. *Revue franc de l’etranger*, 22 (1882).

⁷⁶ Маев. Долины Вахша и Кафиргнагана. I. Из Шаара в Сарыджуй, чрез Ташкент. II. От Кабадиана до Гиссара. III. От Норака горами до Курган-Тюбе. *Туркестанские ведомости*, 24, 25 (1883).

⁷⁷ *Антропологическая выставка 1879 г.*, т. II (М., 1878—1879).

⁷⁸ *Там же*, с. 148.

⁷⁹ Вилькинс А. И. О живых инородцах, бывших на антропологической выставке, т. е. об Авганце, Белуджистанце, Шугнанце и Метисе. *Там же*, т. III, ч. 1, вып. 3 (1879) (на обложке 1880), с. 232.

⁸⁰ Богданов А. *Указ. соч.*

⁸¹ *Антропологическая выставка 1879 г.*, т. IV, ч. 2 (1879).

⁸² *Там же*, т. VIII, вып. 1 (1886).

⁸³ *Там же*, т. II, с. 248.

⁸⁴ Отдел этнографический [Антропологической выставки]. *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, XXXV/2, вып. 6, с. 3.

⁸⁵ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ (с 19 декабря 1876 г. по 15 октября 1880 г.) (М., 1881), с. 106.

⁸⁶ Вирский М. М. Об устройстве сартовской могилы и похоронных обрядов туземцев Самарканда. *Антропологическая выставка 1879 г.*, т. III, с. 146—147.

⁸⁷ Он же. О Самаркандском крае и его обитателях Таджиких. *Там же*, т. III, с. 223—226.

⁸⁸ Он же. Заметка о скорпионе, фаланге, тарантуле и каракарте Туркестанского края. *Протоколы заседаний Зоологического отдела Общества*, I/1 (М., 1886), с. 41—62.

⁸⁹ Леонов Н. И. *Александр Федорович Миддендорф* (М., 1967), с. 118. Об А. Ф. Миддендорфе см. также: он же. «Миддендорф в Фергане». *Земля и люди* (М., 1965); Богданов А. *Указ. соч.*; Кирт К. А. *А. Ф. Миддендорф (1815—1894)* (Тарту, 1963); Наумов С. П. *Александр Федорович Миддендорф. Отечественные физико-географы и путешественники* (М., 1959); *Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. Ф. Миддендорфа* (Тарту, 1965); Гацунаев Н. К. *Миддендорф Александр Федорович. Географы и путешественники: краткий биографический словарь* (М., 2001), с. 302—305; Петров А. И. Миддендорф — ученый, путешественник. *Россия и АТР*, 4 (2005), с. 143—148 и др.

⁹⁰ Миддендорф А. Ф. *Очерки Ферганской долины* (СПб., 1882), с. III—IV.

⁹¹ Леонов, *Александр Федорович Миддендорф*, с. 119—123.

⁹² Миддендорф. *Указ. соч.*, с. 354—356; см. также: Бобомуллоев С. А. *Миддендорф о таджиках (к вопросу об этногенезе)*. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1349949840>.

⁹³ Миддендорф. *Указ. соч.*, с. 328—412.

⁹⁴ См., в частности, рец.: Наливкин В. П. По поводу книги А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины». *Туркестанские ведомости*, 35—39 (1883).

⁹⁵ См. их отчеты в выпусках *Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии*, который издавал Военно-ученый комитет Главного штаба.

⁹⁶ Извлечение из отчета Генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, LVI (СПб., 1854), с. 73—125.

⁹⁷ *Там же*, с. 77—80.

⁹⁸ *Там же*, с. 87—96.

⁹⁹ *Там же*, с. 90—91.

¹⁰⁰ Очерк экспедиции Г.-Ш. капитана Путяты в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан. 1883 [Официальный отчет]. *Там же*, X (СПб., 1884), с. 1—88.

¹⁰¹ Мушкетов. *Указ. соч.*, 1, с. 288—290; Семенов. *Указ. соч.*, с. 787—789.

¹⁰² Иванов Д. Л. Путешествие по Памиру (1883). *Известия ИРГО*, XX (1884), с. 32.

¹⁰³ Он же. Памирская экспедиция 1883 г. *Там же*, XIX (1883), с. 9, прим. 1.

¹⁰⁴ Масловский С. Д. Гальча (первобытное население Туркестана). *Русский антропологический журнал*, VI (Москва, 1901), с. 17—32.

¹⁰⁵ *Там же*, с. 29.

¹⁰⁶ А. С. [Снесарев А. Е.] Поездка в Горную Бухару. *Туркестанские ведомости*, 105 (28 июля 1904), с. 480; 112 (10 августа), с. 510; 123 (29 августа), с. 567; 128 (8 сентября), с. 594; 134 (21 сентября), с. 624.

¹⁰⁷ *Туркестанские ведомости*, 10 (23 января 1904), с. 45; 11 (25 января), с. 48; А. С. [Снесарев]. Вести с Памира. *Там же*, 47 (12 июня 1903), с. 291; 48 (15 июня), с. 297; 49 (19 июня), с. 302; 50 (22 июня), с. 309.

¹⁰⁸ Он же. Религия и обычаи горцев западного Памира. *Там же*, 89 (29 июня (12 июля) 1904), с. 408; 90 (2 (15) июля), с. 412—413; 91 (4 (17) июля), с. 418; 92, (6 (19) июля), с. 424—425; 93 (7 (20) июля), с. 427—428.

¹⁰⁹ *Actes du Quinzième Congrès International des Orientalists. Session de Copenhague, 1908* (Copenhagen, 1909), S. 77.

¹¹⁰ Со ссылкой на Голявинского приводит некоторые сведения по верованиям и занятиям местного населения и Н. Л. Корженевский (Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. *Труды Общества земледелия при Санкт-Петербургском университете*, 1 (СПб., 1906), с. 13). О Голявинском упоминается также в «Отчете секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г.» (в книге: Халфин. *Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)* (М., 1975).

¹¹¹ Малицкий Н. Г. Машоба. *Туркестанские ведомости* (1906).

¹¹² Он же. О горной стране в верховьях Зеравшана (Кухистан). *Известия Туркестанского отдела РГО*, VII (Ташкент, 1907), с. 1182—1185.

¹¹³ Он же. Ягнобцы. *Там же*, XVII (Ташкент, 1924), с. 165—178.